

Л. А. Чарская

Дели-акыз

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-3
ББК 84

Л. А. Чарская

Дели-акыз / Л. А. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 92 с.

ISBN 978-5-4241-2090-9

Повесть эта печаталась в журнале "Задушевное слово" для старшего возраста в 1915 году. Это была первая повесть Чарской, которая так и не вышла книжкой. Эта повесть,кстати, продолжение книги "Т-а и-та"...

ISBN 978-5-4241-2090-9

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Лидия Чарская
Дели-акыз

ПРОЛОГ в двух главах

ГЛАВА I

Пять молодых девушек в нарядных белых платьях и в таких же шляпах одна за другой впрорхнули в светлую, веселую приемную Н-ского приюта.

Старая прислуга начальницы приюта оглядела с любопытством необычайных юных посетительниц и их радостно-взволнованные лица и пошла доложить о них своей барыне. И тотчас же по её уходе в комнате все зашумело и зазвенело сдержанным звоном молодых оживленных голосов.

— Вот и приняла... Вот и приняла... Ага! Что? А ты еще говорила, что не примет, Шарадзе! Всегда так: брякнешь, не подумав, а потом...

И одна из юных посетительниц, тоненькая, необычайно изящная шатенка с вьющимися волосами, торжествуяще взглянула на подругу, нескладную, высокую девушку, красивые черные глаза которой, как и её смуглое худощавое лицо явно обнаруживали кавказское происхождение.

— Погоди еще радоваться, Баян: рано пташечка запела, как бы кошечка не съела... — гортанным голосом, с восточным акцентом, ответила смуглянка.

— Типун тебе на язык, Тамара! — сказала маленькая, с большими светлыми глазами девушка, быстро вскочив с дивана, на котором она уже успела расположиться. — Не может она не принять и не выслушать вас, когда мы приехали по такому важному делу, да еще и с рекомендацией от само-то барона-попечителя...

— Разумеется, Золотая рыбка права! — подхватила третья посетительница, болезненного вида девушка, белый легкий наряд которой придавал ей какой-то воздушный вид. — Разумеется, вас и выслушают и день назначат, когда привести сюда нашу маленькую, родненькую девчурочку...

Голос Вали Балкашиной при этих словах вздрагивает от волнения, а глаза внезапно наполняются слезами.

Тотчас же из-за пояса извлекается кружевной платочек, и тихое неожиданное всхлипывание раздается в светлой приемной.

— Ну, вот еще! Этого еще не доставало... Здравствуй! На третий день выпуска слезы лить! — возмутилась четвертая посетительница — хорошенькая, кудрявая Ника Баян. — Пожалуйста, прошу тебя, не распускай ты своих нервов! Ведь нашей Тайночке, право же, здесь будет очень недурно, уверяю вас, mesdames, даже очень хорошо... Ну, да, конечно, о-о-чень хо-ро-шо... — срывающимся голосом доканчивает Ника, и тоже достает из-за пояса кружевной платочек, которым закрывает свои карие, оживленно сверкавшие до этой минуты глаза.

Всхлипывания двух девушек вызывают слезы у третьей. Теперь плачет очень высокая, тонкая, с осиной талией и задумчивыми глазами, блондинка Муся Сокольская, «Хризантема» по прозвищу, данному ей её подругами. К ней немедленно присоединяется «Золотая рыбка», т. е. Лида Тольская, закадычная подруга Муси. Девушки тихо плачут, плотно прижав к глазам свои носовые платки.

Крепится только армянка Тамара Тер-Дуярова, или «Шарадзе». Прозвана она «Шарадзе» своими одноклассницами за постоянную привычку задавать шарады и загадки. Но и её черные восточные глаза сейчас усиленно моргают,

чтобы как-нибудь задержать навертывающиеся на них непрошенные слезы.

— Mesdames, перестаньте! — говорит Тамара. — Перестаньте реветь! А то и я зареву... Ника, сделай «умное лицо», пусть посмеются лучше... Или я новую шараду залам... Ну же, действуй Ника...

Но той не до «умного лица» нынче. Когда Ника Баян, общая любимица всего института, бывала в хорошем настроении, она могла уморить со смеха весь класс. Она умеет подражать голосам и манерам начальства и подруг или изображать тех и других, умеет совершенно изменять выражение своего хорошенького личика и делать из него «умное лицо», то есть такое, при виде которого все невольно хохотали до слез. Кроме того изящная Ника прекрасно танцует. Часто по вечерам, оживленная и прелестная, она носилась перед восхищенными подругами в бешеной пляске, с растрепанными кудрями и блуждающей улыбкой, приводя юных зрительниц в неописуемый восторг.

Но сейчас Ника «скисла». «Скисли» и остальные её подруги заодно с нею. Все пять девушек глубоко ушли в мягкие, какие-то особенно располагающие к отдыху, кресла и время от времени тихо перекидывались сквозь слезы коротенькими, отрывистыми фразами.

— Она у вас такая избалованная... Ей будет трудно среди чужих...

— Конечно, трудно. Мы так любили ее...

— И так ласкали...

— А Ефим был прекрасным дядькой нашей Тайночке.

— Здесь уже не будут ее кормить так, как у нас...

— Ну, это даже хорошо. От конфет и сладостей у неё часто болел животик, — серьезно вздыхает Варя Балкашина.

— Валерьянка, не говори ерунды... Пока ты живешь на свете, живут валерьяновые и другие капли, и никакие болезни нам не страшны! — звенит громко голосок Лиды Тольской.

Валя Балкашина, или «Валерьянка», отнимает на минуту кружевной платок от влажных глаз и обиженно спрашивает:

— Что ты хочешь этим сказать, Тольская?

— Но, ведь, у тебя же всегда был запас лекарств в тируаре,¹ и ты страдаешь манией лечить всех и каждого, моя дорогая... Не даром же мы прозвали тебя «Валерьянкой» — оправдывается Лида.

— Глупое институтское прозвище. Мы не воспитанницы больше, и пора это забыть, — еще обиженнее тянет Валя.

— Перестаньте, дети мои!.. Тут не место для споров и пререканий. Подумаем лучше о вашей Тайночке. Каково-то ей будет здесь! — останавливает своих подруг Ника Баян.

— Будет скверно, что и говорить.

— И весьма! После нашего-то баловства, после наших-то забот!

— Ясно, что скверно будет. Кто же станет здесь так заботиться о ней!

— Понятно, никто.

— Бедная Тайночка! Бедная Глаша!

И девушки снова хватаются за платки. Тихое всхлипывание постепенно переходит в громкое. Кажется, будто и сама комната омрачается изливающимся здесь молодым горем.

Медленно приподнимается тяжелая плюшевая портьера над дверью, и на

пороге приемной показывается небольшая плотная женская фигура. Посетительницам бросается в глаза совершенно седая голова и длинный восточный нос.

Это начальница Н-ского приюта, старая княжна Надежда Даниловна Дациани, уроженка Тифлиса. Ей шестьдесят с лишком лет, но глаза её еще пламенные, а лицо еще свежо и приятно. В молодости княжна Дациани пережила глубокую горе: любимый ею жених погиб от разбойничьей пули в горах. Надежда Даниловна, оставшись верною его памяти, дала клятвенное обещание никогда не выходить замуж и стойко сдержала свое слово. В молодости же она была пожалована придворным званием фрейлины и занялась делами благотворительности. Лет двадцать тому назад ее назначили начальницей Н-ского приюта для девочек, и она вся ушла в заботы о своих новых питомцах.

Старая княжна довольно долго простояла на пороге своей гостиной, молча разглядывая своих необыденных плачущих и ничего не замечающих посетительниц. Потом легкая, незаметная улыбка, сморщила её губы и скрылась в задумчивых восточных глазах.

— Гм! — кашлянула княжна, — чем могу служить, mesdemoiselles?

Девушки вздрогнули от неожиданности. Платки мгновенно исчезли в глубине карманов, и перед старой придворной дамой предстали смущенные, разбурянные от слез, совсем еще юные девичьи лица. Все пять молодых девушек поднялись со своих мест, выстроились в линию и, отведя плавный, по всем правилам института, реверанс, несколько нараспев, хором произнесли:

— Nous avons l'honneur de vous saluer princesse!²

Когда фраза была окончена, темноглазая, розовенькая Баян, вспыхнув до ушей, подумала:

«Мы с ума сошли! Как это глупо, так кланяться, ведь мы же уже не институтки», — и смущенно посмотрела на Тер-Дуярова.

Та сразу поняла взгляд Ники. «Правда, душа моя, глупо. Мы уже не институтки» — мысленно же согласилась с нею тотчас армянка.

Наступила минута молчания.

Старая фрейлина, улыбаясь, любовалась смущением этих взрослых детей. Но вот Ника Баян, еще накануне уполномоченная говорить с княжной от имени всей депутации, выступила вперед.

— Мы приехали к вам просить вас от имени всего последнего выпуска Н-ского института за нашу дочку, — начинает она взволнованно.

— Дочку? — и седые брови старой княжны удивленно вскидываются над пламенными восточными глазами.

— Ну, да, дочку и внучку! — подхватывает Тамара Тер-Дуярова. — Потому что я — её дедушка, а вот она, (тут армянка непринужденно тычет пальцем в Нику,) — она — её бабушка, по общему соглашению всего нашего выпуска Шура Чернова, тоже воспитанница нашего выпуска, — её папа; мамы же её — весь наш класс; все мы, и мамы, и тетки! — звенит своим хрустальным голосом «Золотая рыбка».

Старая княжна улыбается все шире и шире.

— Так вы приехали просить за вашу приемную дочку, маленькую сиротку Глашу Петушкову? — наконец догадывается она.

— Да, да, да, за Глашу Петушкову, — хором воскликнула депутация.

— Её бумаги несколько дней тому назад поступили в канцелярию нашего

приюта. Сам барон хлопочет за вашу воспитанницу, и она уже принята в нам, — торжественно объявляет княжна девушкам и следит, какое впечатление произведут её слова на юных посетительниц.

Те почему-то молчат.

— Ника, да говори же! Чего истуканом стоишь? — шепчет тихо волнуемая-ся Тамара.

Старая княжна замечает этот шепот и останавливает свой взгляд на Тамаре. От этой молоденькой армянки так и веет её родиной: знойным кавказским небом, небом милого Тифлиса, синим и прозрачным, как крыло парящего ангела... Веет высокими горами, где воздух так чист и легок. Дорогой, милой, давно покинутой родиной веет на старую княжну-грузинку, и её глаза увлажняются слезами. Ласково берет она обе руки Тамары в свои и говорит как бы совсем новым, глубокоим и прочувственным голосом:

— Будьте покойны, дети, вашей общей дочке будет, несомненно, хорошо у нас, если только она не окажется слишком избалованной и капризной.

— Вот то-то и есть, что может оказаться... — совершенно неожиданно для себя самой выпаливает Ника.

Начальница переводит свой ласковый взгляд с юной армянки на хорошенькое личико Ники и спрашивает:

— Что вы хотите этим сказать?

— Я... мы... я... хотела сказать, что... что наша Тайночка... наша Глаша... да... немножко избалована, а потом у... да... потому... — путается Ника, — мы и пришли просить вас о снисхождении и... и...

— Да, да! Мы просим вас о снисхождении к ней! — подхватывают остальные депутатки хором.

— Ведь вам, должно быть, известна её странная, таинственная судьба? — спрашивает «Золотая рыбка», выступив вперед.

Старая княжна улыбается снова.

— Мне известно о том, что тридцать милых, добрых и сердечных девушек тихонько от начальства взяли воспитывать маленькую сиротку, поселив ее в комнате старого, прозванного ими почему-то «Бисмарком», институтского сторожа Ефима. Мне известно так же, как случайно обнаружилась их тайна и как барон, попечитель института, принял на себя труд устроить эту маленькую сиротку у нас в приюте. Видите, я хорошо осведомлена обо всем.

— Вы даже знаете, что мы прозвали нашего Ефима Бисмарком! — приходит в неожиданный восторг Ника.

Лицо старой придворной дамы еще более светлеет. Ей положительно нравятся эти юные создания, такие непосредственные, такие искренние. Нравится и то, что они доверчиво явились к ней с просьбой обласкасть их «протеже» на третий же день после выпуска из института.

Ведь только три дня тому назад они попрощались с приютившими их стенами, а теперь вместо того, чтобы отдаваться отдыху и удовольствиям, так понятным в эти радостные дни, они хлопочет за их маленькую «дочку-внучку-племянницу».

Да, они решительно нравились княжне с их открытой чуткой душой, с невинными, радостными личиками. И все же мысль о том, что эти девушки поещают в приют, очевидно, избалованного ребенка, с которым предстоит немало

забот и возни, немного расхолаживает добрый порыв старой княжны. Но, тем не менее, она решается успокоить своих юных посетительниц и порадовать их.

— Я постараюсь быть снисходительной к вашей дочке, внучке и племяннице... — шуточно говорит она, пожимая по очереди руки приседающим в низком реверансе перед вею девушкам. — И ваша маленькая Тайна, надеюсь, не будет жаловаться на дурное с нею обхождение своим молодым мамашам.

— Надеюсь! — совсем некстати замечает Тамара.

Княжна улыбается снисходительной улыбкой:

— До свиданья, mesdamoiselles! Я жду вашу воспитанницу. Вы ее, вероятно, скоро приведете?

— Завтра — звучит согласно маленький хор.

Тяжелая плюшевая портьера поднимается и опускается снова. Старая княжна, любезно кивнув с порога, исчезает.

— Ух! Как гора с плеч... А она пресимпатичная, однако, азиатка эта! — смеется Ника.

— Она с Кавказа, душа моя. Этим сказано все, — гордо выпрямляя плечи и грудь, говорит Тамара.

— А теперь в институт, mesdam'очки к Тайночке вашей! Да в кондитерскую найдем по дороге, конфет ей купить! — командует «Золотая рыбка».

— И хризантем... Я хочу хризантем непременно. Надо приучить ее любить эти дивные цветы, — говорит Муся Сокольская, обожающая хризантемы, а потому и прозванная «Хризантемой» всем институтом.

— Вот ерунда-то! Где ты их найдешь весной! — возмущается «Золотая рыбка». Они — осенние цветы. И потом, наша Глаша равнодушна только к тому, что она может кушать. А твои хризантемы далеко не съедобны. Или ты желаешь превратить нашу милую маленькую дочку в травоядное животное?

— Нет, нет! Возьмем ей конфет и меренги...

— И трубочек со сливками!

— И земляничного торта!

Молодые голоса звучат весело.

Прохожие невольно оглядываются на юные радостные лица нарядных беленьких барышень, стремительно выбежавших из подъезда большого казенного здания.

— Mesdames, а не странно ли то, что сами мы — вольные птицы... Куда хотим, туда и идем... Можем ехать, куда желаем, не опасаясь нашей Скифки, не слыша её окриков, не терпя её придинок... — говорит с блаженным лицом Тамара.

— И разлетелись мы, свободные, как птицы! — вторит ей «Хризантема». — Наши иногородние все уже разъехались из Петрограда, каждая умчалась в свой уголок, в свое гнездо... Мы одни только остались здесь. Скоро улетим и мы.

— А пока не улетели, скорее в институт, к нашей Тайночке! — смеется Ника.

— И в кондитерскую по дороге не забыть! — предупреждает «Золотая рыбка».

— И уж, заодно, в аптеку, так как, по всей вероятности, пирожное и конфеты не пройдут Глаше даром! — снова смеется Ника. — Как ты думаешь, Валя? Ведь это по твоей части.

Ну вот еще, mesdames. Можно и без капель на этот раз... — слабо протестует «Валерьянка».

— Шоффер! Шоффер! — неожиданно кричит, останавливая свободный таксомотор, Тамара: — везите нас в институт.

— В который, барышня? — удивляется рыжий шофер, затормозив свою машину.

— Ах ты, Господи! В наш родной, к Тайночке! — возмущается его бестолковостью девушка.

Ника объясняет детальнее, куда им надо, и он, наконец, повял ее. Сели и помчались стрелою, оживленные и радостные по не менее оживленным и радостным, как им казалось, улицам Петрограда.

ГЛАВА II

— Домой! Хочу домой! Хочу к дяде Ефиму, к мамочкам!

— Перестань плакать, перестань, Глашенька! Домой тебе возвращаться нельзя: дядя Ефим в деревню уехал, а твои мамочки давно разъехались по своим домам. Но несколько мамочек еще остались здесь, в Петрограде, и они будут навещать тебя, привозить тебе гостинцев, игрушек, если ты будешь умницей и перестанешь капризничать. Ты посмотри только, сколько вокруг тебя девочек; все они такие же маленькие, как ты, и тебе будет весело с ними... Переставь же плакать, Глашенька, не надо капризничать, деточка!

Голос молодой приютской воспитательницы полон ласки и любви. Вообще, она такая милая, кроткая, эта двадцатилетняя Мария Сергеевна, и готова часами возиться с не в меру капризничавшей детворой. Она не выносит слез. При виде плачущих детей у неё самой появляются слезинки в светлых ясных глазах. Марью Сергеевну все её сослуживицы называют «порчей приюта». Она горячо любит всех этих бедных сироток, снисходительно мягко относится во всем их детским недостаткам и нежно заботится о них. За это девочки платят ей самой горячей, самой искренней детской привязанностью.

Неделю тому назад пять молодых, только что окончивших институт, девушек привели сюда маленькую пятилетнюю девочку с живыми, бойкими, черными глазками и с забавно торчащими хохолком из-под круглой гребенки совсем белыми, льняными волосами.

Про эту маленькую девочку задолго еще до её появления в приюте рассказывали необычайно странную историю. Рассказывали, что она целую осень и зиму тайно прожила в каморке институтского сторожа, что весь выпускной класс Н-ского института занимался её воспитанием, и что маленькую деревенскую девочку, племянницу одной из дортуарных горничных, ублажали и баловали, как какую-нибудь владетельную принцессу. И когда стало известно, что барон Гольдер, почетный опекун Н-ского института, определяет сюда, в приют, девочку, пребывание которой оказалось невозможным более в каморке сторожа, — весь приют уже знал про сиротку Глашу и про все её коротенькое прошлое.

Но вот появилась сама Глаша, белобрысенькая черноглазая девчурка, и сразу показала себя. Она никого не хотела знать, кроме своих многочисленных юных «мамаш», горько плакала, прося отправить ее домой, в сторожку дяди Ефима, капризничала, отказывалась от еды и не спала по ночам.

Избалованная, требовательная, привыкшая к неустанным, исключительным о ней заботам, Глаша совсем не желала применяться к приютским порядкам и правилам. Ее слезы и крики нарушали тишину заведения, тревожили детей и

надоедали воспитательницам, смущая больше всего саму начальницу — старую княжну Дациани.

Одна только кроткая Марья Сергеевна Любомирова не уставала успокаивать и урезонивать девочку. Но и на нее Глаша не обращала никакого внимания; крики и слезы девочки продолжались, и требования отправить ее немедленно домой делались все настойчивее с каждым днем. Ни ласки, ни угрозы наказания не действовали. Упрямство маленькой избалованной девочки и её капризы не утихали ни на час за всю первую неделю Глашиного пребывания в приюте. У воспитательниц приюта и у самой его почтенной начальницы невольно опускались руки перед невозможностью успокоить девочку. Словом, маленькая «Тайна Н-ского института», как называли Глашу её многочисленные юные «мамашы», заставила на некоторое время заниматься своей крошечной особой весь приютский персонал.

После солнечных дней радостного мая неожиданно хлынули дожди. Серые грозные тучи заволакивали небо, подул холодный ветер.

Девочки-воспитанницы приюта играли в большой зале, где для поддержания нормальной температуры через день топили печь. Марья Сергеевна Любомирова, дежурившая в младшем отделении в этот день, устроила для своих малюток забавную игру в «коршуна». Одну из девочек постарше, восьмилетнюю Сашу Бекасову, усадили на паркет посреди залы; она должна была изображать коршуна. Сама молоденькая воспитательница представляла собою курицу-наседку, согласно требованию игры. Широко раскинув руки, Марья Сергеевна, в роли наседки, приготовилась защищать «своих цыплят» — длинную вереницу девочек, вытянувшихся за её спиной и державшихся гуськом одна за другой. «Коршун» делал вид, что копает в земле ямку, т. е. Саша добросовестно царапала пальчиком пол. «Наседка» Марья Сергеевна обращается к ней с целым рядом вопросов:

- Что делаешь, коршун?
- Ямочку копаю, — отвечает Саша.
- На что тебе ямочка?
- Иголочку ищу.
- На что тебе иголочка?
- Мешочек сшить.
- На что тебе мешочек?
- Твоих детей ловить и туда сажать.

При этих словах Саша вскакивает на ноги и, размахивая, как бы крыльями, руками, кидается на вереницу девочек, изображающих сейчас цыпляток. Девочки пищат, визжат неистово и шарахаются от «коршуна» в сторону. Марья Сергеевна всячески защищает своих маленьких «цыпляток».

Девочки в восторге. Шумом, визгом и писком наполняется большой белый зад. Дети радостно, заливчато смеются, точно весенние шумливые ручейки буйно выступили из берегов и оглашают своим журчаньем лесную поляну.

Одна только маленькая Глаша не участвует в игре, не спасается от «коршуна» под крылышки «наседки», не изображает вместе с подружками пугливой стан цыплят. Глаша забилась под скамейку, находящуюся в дальнем углу залы, и оттуда смотрит на играющих взглядом затравленного волчонка. Тоска по далеким молоденьким «мамашам» гложет её крошечное сердечко, вызывает слезы на